

Андрей Козырев
Книга родства

Повести и рассказы

Андрей Козырев

**Книга родства.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Козырев А.

Книга родства. Повести и рассказы / А. Козырев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854246-6

В сборник избранной прозы известного поэта и писателя Андрея Козырева вошли повесть-мозаика «Книга родства», в которой сочетаются исторические документы, художественная проза, эссеистика и поэзия, и ряд рассказов — серьёзных и не очень.

ISBN 978-5-44-854246-6

© Козырев А.
© Издательские решения

Содержание

Книга родства	6
Пролог	7
Детство. Фотоальбом памяти	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Книга родства Повести и рассказы

Андрей Козырев

© Андрей Козырев, 2017

ISBN 978-5-4485-4246-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга родства

Повесть-мозаика

*На другой день спозаранок
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
пойти дождю стрелами с Дона великого!*

*О Русская земля! Уже ты за холмом!
Слово о полку Игореве*

*Девять дней на воинство божие стрелы летали;
После постигли народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.*

Гомер. Илиада

Пролог

Старые монеты. Украшения. Именные часы с надписью «За лихую службу на войне 1904—1905 гг»... Перебираю семейный архив, сохранившийся от дедов и прадедов. Сибирские казаки, от Ермака родословие начинающие... Старые нравы – буйные, дикие, полнокровные... Старая жизнь... Я не видел её, но в крови моей – не в душе, а глубже – спит ещё то, что бушевало и боролось здесь, на земле сибирской, века назад. Проснется ли память? И что принесет нам пробуждение – мир или новую войну? Не знаю... Но помнить – надо. Знать надо. Иначе – воздух, именуемый историей, иссякнет. Дышать будет нечем.

Перебираю содержимое старой шкатулки. Рваные купюры с портретами Екатерины Второй и Александра Третьего Оловянная солдатская ложка, на которой выгравированы дата: «01.09.1914» – и прочерк. Такие вручали солдатам, ухившим на Первую мировую войну. За датой начала войны и отправки на фронт должна была следовать дата возвращения. Её не было... Не вернулся солдат. Не вернулась армия. Не вернулось поколение.

Распалась память. Нет в ней имен тех, кому принадлежали эти вещи. Только кровь ещё помнит, чем жили мои предки, что они любили, что ненавидели, как воевали и боролись. Помнит... но молчит. Немота крови – вот проблема нашего поколения. Заговорит ли кровь наша? Или мы истечем временем, как кровью, не познав, в чем таится глубокая суть ее? Мало расщепить атом, чтобы добиться мощи, – попробуй каплю крови солдатской, за родину пролитой, или слезинку вдовицы расщепить мыслью, выявить, из чего сотворены они, какие мужи передали этой кровинке свою жгучесть, какие девы перелили в эту слезинку свои мысли и чувства сокровенные? И, если проследить это, такая мощь и крепость, тайные народом ранее, на свет явятся, что содрогнется мир от взрыва – или преобразится от вспышки яркого света. И взрыв, и сила созидаящая – все таится в каждой кровинке нашей, и осторожно, благоговейно надо проникать в тайны родословия, а вернее – родокровия своего. Не навреди, не ошибись, не оступишься! Едва ошибешься – и сам сгинеешь, и земля твоя пошатнется. Не приведи Господь случиться этому! Дабы этого не случилось, учиться должен я, учиться России, как дети, пальцем по бумаге вода, учатся азам книжного знания.

А что есть учёба эта? Изучение истории – это переливание крови: от прошлого поколения – к нынешнему, от нынешнего – к прошлому. Не в пробирках хранится кровь души народной, а в памяти нашей, и не через уколы иперицев и игл, а через уколы совести передается она. И, если кровь прошлого перетекает в наши вены, даруя нам силу, то прошлое само при этом обескровливается. Наверное, потому таким бледным и неживым оно предстает сейчас перед нашим мысленным взором, что служит своего рода донором – но не для нас, для будущего нашего? Возможно. Но в этом случае мы должны помочь прошлому остаться настоящим – подлинным, не раствориться, не угаснуть. И этим живу, и этому работаю я – частица России, мыслящая капля крови в жилах её.

Но только ли России обязан я памятью крови?...Есть и татарское во мне, дремучее, древнее, властное. Недаром темны мои глаза и волосы, недаром усы мои сами собой завиваются не вверх, как у казаков, а вниз, вызывая в памяти кочевников сибирских степей. «Чингисхан», – так меня гордо называла мать, глядя на эти азиатские усы. Да, только единство русской порывистости и монгольской твердости и непреклонности создали этот народ, – сибирское казачество. Оно не такое, как запорожское или донское, – наши казаки коренасты, крепки, властны, и даже в разгуле их дышит татарская мощная воля, а не западная лихая и нередко слепая вольность.

Если казаки донские или запорожские славились быстрыми набегами, натиском, быстротой, наповал шибавшей европейские полки, то доблесть сибирская в другом была: занять землю новую без лишней крови, осторожно, бережно, но, заняв, стоять на ней твердо во веки

веков. Врости в землю! Пустить как можно глубже корни в народ местный, в речь его и кровь, обхватить сердце земли этой корнями своими – и не дать повалить себя, не отступить с занятых рубежей! Вот дело наше, – стояние воинское, мужеское, почти молитвенное, под натиском со всех сторон, под дождями, под снегом, под саблями и пулями вражескими. Эта крепость наша – непобедима, и не изгнать нас вовеки с земель сибирских, а даже изгнав, не извлечь уже из почвы корней, нами в неё пущенных, – заново прорастет Россия из корней этих, и возвеличится, и встанет вновь во всю стопу – от океана до океана. Так было во времена Ермака и наследников его, так было во время междоусобиц, так будет и впредь.

Детство. Фотоальбом памяти

*Как орлы, озирали они вокруг себя очами поле и чернеющую вдали
судьбу свою.*

Гоголь. Тарас Бульба

Егор Волохов – единственный сын в семье. Отец его, казак Фёдор Волохов, – переселенец с Дона. Мать – Катерина Игнатовна, из родовитой сибирской семьи. Живут они в крепком деревянном доме, построенном ещё дедом Катерины. Кажется, что стены этого дома так же прочны, как и сама жизнь, которую ведут здесь, в Омске, уже многие поколения сибирских казаков, – жизнь вольная, твердая, иногда разгульная, словно в наследство доставшаяся Егору, – крепкому, коренастому парню с широким лицом, голубыми глазами и солнечно-рыжей копной волос. Издавна, с самого детства хранятся в памяти Егора семейные предания о далеких предках, пришедших в Сибирь вместе с Ермаком, тащивших казачьи струги через Урал, о прадеде, в составе Ширванского мушкетерского полка сражавшемся на Бородинском поле...

Но о собственном раннем детстве Егор помнит немного, да и неохота ему вспоминать о нем. Лишь несколько отдельных воспоминаний, подобных кадрам фотосъемки, остались в его памяти.

* * *

Егорке только-только исполнился год. На его головке появились первые рыжеватые волоски.

Отец Егора кричит на жену, размахивая кулаками:

– Почему Егорка рыжий? Почему рыжий, а?! Отвечай, шалава! Отродясь у нас в роду рыжих не было! Признавайся, спуталась с кем? С соседом Колькой небось? Говори!!! – кричит он, брызжа слюной и грозя большим, привычным к работе заскорузлым кулаком.

– Да окстись, Фёдор! И в мыслях у меня изменять не было! Коли Бог нам рыженького послал, значит, Его на то воля! Не при чем я, верно говорю! – выкрикивает Катерина, держа перед собой в руках, словно щит, плачущего младенца – Егорку. Небось, коли Фёдор бить будет, по сыну не ударит...

Младенец ревет, машет перед собой сжатыми кулачками. А пьяный отец то наступает на мать, крича, то чуть ли не падает, рыдая.

– Что вы со мной сделали? Позо-ор сотворили!!! Вы... все вы! Все-е-е! У-у-у! – почти воет он.

Неожиданно маленький Егорка, бессильно висящий в руках матери, разжимает детский кулачок и пытается погладить отца по голове, – там, где виднеются первые седые волосы. Отец так же быстро затихает... стоит несколько мгновений в мучительном молчании... вытирает слезы... и целует ребенка в темечко.

– Всё... прощаю тебя. Мой это сын, коли меня понял. Мой... А ты – цыц, не смей больше голос подымать!

Катерина медленно опускается на стул, рукавом вытирает пот со лба. Ребенок, испугавшись тишины, начинает кричать снова. Отец хмурится, шумно дыша. Протягивает руки к Егорке. Мать, метнув на мужа быстрый взгляд острых глаз, хватая младенца в охапку и убеждает в соседнюю комнату:

– Не дам! Не дам тебе дитё! Тверёзый будешь, тогда и нянькай его, а пока – не трожь! Не пушу! Нет моей воли на то!

* * *

Егору шесть лет. В отцовском доме – смута: Фёдор Герасимович притащил в дом любовницу с ребенком. Отец, пьяный, лежит на койке, рядом с ним – хохочущая гулящая девка, по которой карабкается непонятно от кого зачатый ребенок. Казак бормочет: «Здесь они жить будут... Моя семья это теперь. Вот-т-вам всем!!!» – и вертит в воздухе рукой со сложенными в известную фигуру тремя пальцами. Жена Катерина со своей матерью сидят за стеной, обнявшись, прислонившись друг к другу, и – поют, чтобы показать веселье. Казачка смотрит на дверь комнаты, где лежит её муж, с вызовом, словно хочет сказать: «Смотри, мол, Федька, мне плевать, что ты гуляешь, я и сама веселиться умею». В доме раздаются тоскливые и протяжные звуки, похожие скорее на стон:

– Ска-а-кал ка-а-зак через доли-ну-у-у!

На последних звуках казачки резко повышают голос, почти до крика. Маленький Егорка, сидящий в углу, затыкает уши, чтобы не слышать этих звуков.

Мать продолжает петь.

Егорка до конца не понимает смысла происходящего, но ему ясно, что случилось что-то нехорошее. Когда песня доходит до слов «Тут снял с плеча казак винтовку и жизнь покончил он свою!», Егор мучительно пытается понять: почему винтовка так называется? Ружье – это понятно, от слова «оружие», а «винтовка»? Странное слово...

По щекам мальчишки невольно текут слезы, которые он пытается спрятать от окружающих. Егор страдает, сам не понимая, отчего. Чтобы отвлечься от непонятной тоски, он вертит в пальцах игрушечного солдатика с винтовкой. «Вот она, винтовка! Может, она винтом к солдату прикручена?» Мальчик напрягается до боли, пытаясь отделить от солдатика приклеенную винтовку. «Оторву и посмотрю!» – думает он. ещё одно усилие... и игрушечный солдатик ломается. Вместе с винтовкой от фигурки отламывается голова. «Хорошо, что мамка не замечает, – думает Егор, – а то бы мне влетело».

Отец пьяно бормочет. Мать поет. Ребенок молча сидит в углу. Игрушечный солдатик без головы валяется на полу, никому уже не нужный.

* * *

*Как это просто – быть собой, не больше, —
Мальчишкою, ни в чем не виноватым,
Как дышишь, петь... Как это трудно, Боже, —
Вдруг осознать, что вырос из себя ты,
Как из одежды, и, меняя моду,
Стать кем-то, кто для мира непонятен,
А в памяти, где живы счастья годы,
Оставить от себя ряд белых пятен...*

* * *

Незаметно шли годы, незаметно старели родители, незаметно выросл Егор. Только на фотографиях из семейного альбома сохранялись мгновения из его быстро менявшейся жизни: вот он – мальчишка семи лет, одетый в костюмчик пригостишки; вот он – подросток, в первый раз надевший казачью военную форму; вот он – молодой человек, чуть сутулый, с рыжими волосами, конопатыми щеками, верхней губой, которая не лежала, а словно покоилась на нижней, и большими круглыми малоподвижными глазами, смотрящими со спокойной силой, тихо, но чуть-чуть виновато, – так весной сибирские реки выглядят из-под уплыва-

ющего льда. При первом взгляде на такого человека можно понять: он способен на сильное, глубокое, мятежное, но до поры потаенное чувство.

И правда, Егору ещё не было двадцати лет, когда в его сердце поселилась живучая, горькая и жгучая, как полынь, любовь к молодой соседке – казачке Катерине Ковалевой. Когда она по вечерам, возвращаясь из гостей, проходила мимо дома Волоховых, высокая, худая, черноволосая, в широкой юбке темного оттенка, и её длинная изломанная тень падала на освещенные закатным солнцем бревенчатые стены, крепкие, теплые, потемневшие от времени, Егор испытывал странное ощущение, словно лучи какого-то чистого, глубокого, но холодного света собирались в его душе. Катерина не считалась в округе особенно красивой, – другие, крепкие, полные, смешливые девушки больше привлекали внимание окрестных парней, – но Егора завораживали её миндалевидные карие глаза, смотревшие на людей прямо, почти не моргая, словно проникая в душу человека, широкие бледные скулы, длинная шея, уверенная, свободная походка. Катерина тоже отвечала Егору взаимностью.

Чувство Егора к Катерине не нашло понимания у его родителей. Особенно сердилась мать, уже присмотревшая для сына другую невесту, веселую, домовитую соседскую дочь Александру.

– Да и не ровня она тебе, верно говорю – не ровня! – повторяла старая казачка. – Ковалевы казаки богатые, у них да родни ихней по всем селам окрестным дома стоят, а мы рядом с ними – пшик! Хочешь у жены-богачки нахлебником быть? Она и помыкать тобой будет, и гулять небось начнет! Да и видано ли это, чтобы жена на полголовы выше мужа была? Ты рыжий, конопатый, а она – чернявая, длинная. Разной вы породы, не быть вам вместе! Не позволим к Катке идти, некуда идти тебе!

Много было распрей и споров в семье из-за непутевого выбора Егора, и не раз хотелось Егору уйти от родных, – Катерина готова была приютить его в своем большом доме, её отец и мать, проникшиеся симпатиями к парню, были не против этого, – но он решил все-таки остаться жить с родителями.

– Сам-то я с Катериной всегда проживу, – объяснял он друзьям. – А моих домашних-то, гадов, кто прокормит? С ними жить буду – им же наз-ло! Наз-ло! Кормить их буду, чтоб поняли, каков я, и мне на брак с Катенькой добро дали. Вот так!

Дело в том, что отец Егора, Фёдор Волохов, к тому времени стал неспособен сам добывать хлеб для семьи, – он зимой, возвращаясь домой из кабака и уснув в снегу, отморозил ноги, – и семья осталась без кормильца. Так Егор и оказался вынужден кормить семью, с которой сам же непрестанно враждовал.

Но нет худа без добра: когда началась война с Германией, Егора, как единственного кормильца в семье, не взяли на фронт. Война словно прошла мимо него, не оставив большого следа в его занятой домашними заботами душе. Впрочем, семья тоже была для него чем-то вроде фронта: родные, которым он добывал хлеб, продолжали ссориться с ним из-за Катерины, как прежде. В постоянных раздорах, взаимных уколах, мелких склоках с самыми близкими людьми текла жизнь. И все чаще снился Егору один и тот же сон: будто он строит стену из хлеба, чтобы отгородиться от внешнего мира, – громоздит один кусок хлеба на другой, как кирпичи. Но вдруг стена начинает дрожать и рушиться, и хлебы, рассыпаясь, падают на Егора, засыпая его, заноса, как песком, мелкой крошкой... Волохов кричал и в ужасе просыпался. Но и днем преследовало юношу ощущение какой-то противной пыли, словно попавшей в глаза и за ворот и не дававшей ему покоя.

* * *

В мелких хлопотах семья не замечала, как шло время. Настал день двадцатипятилетия Егора. В этот день молодой казак и Катерина решили тайно от родителей сфотографироваться

на память – вместе, как муж и жена. Стоя перед фотокамерой в полном казачьем обмундировании, Волохов положил руку на плечо Катерины и на секунду замер, ощутив сквозь тонкий ситец тепло её тела. Толстый усатый фотограф сделал магический жест рукой, означавший: «Сидите неподвижно!», скрылся за таинственным черным покрывалом, похожим на жреческое, – и вспыхнул белый, яркий, как от выстрела, свет, на мгновение ослепивший непривычные глаза Егора и Катерины. Фотограф вынырнул из-под покрывала и торжественно известил молодых, что их союз запечатлен для потомков – навеки! «Заходите через пару дней, получите снимочек. Теперь вы вместе – навсегда-с, как у меня на карточке», – заверял он.

Выйдя из фотоателье, молодые обнаружили, что на улице царит хаос, так не похожий на чинную обстановку ателье. По центральному проспекту города шлялись пьяные мужики, – по-видимому, кто-то взломал винные погреба. На столбах были наклеены объявления, сообщавшие о революции в Петрограде и низложении императора. У многих людей, проходивших по улицам, в петлицы были вдеты красные ленточки. «Сегодня красный день, – шутливо заметил Егор. – Надо его запомнить». В честь события Катериной был куплен красивый альбом для фотографий с переплетом из огненно-алой ткани, куда и были переложены семейные снимки.

* * *

*Я листал, словно старый альбом,
Память, где на седых фотоснимках
Старый мир, старый сад, старый дом, —
Прошлый век с настоящим в обнимку.*

*Деды-дети, мальчишки, друзья,
Что глядят с фотографий бумажных, —
Позабыть вас, конечно, нельзя,
Помнить – трудно, и горько, и страшно...*

*Вы несли свою жизнь на весу,
Вы ушли, – хоть неспешно, но быстро.
Не для вас стонет птица в лесу,
Не для вас шелестят ночью листья.*

*И, застыв, словно в свой смертный час,
Перед камерой, в прошлой России,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.